
ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, МИФ

PHILOSOPHY, RELIGION, MYTH

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 4 (486). С. 12–22.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(4(486):12-22.

Научная статья

УДК 008.1/6

doi: 10.47475/1994-2796-2024-486-4-12-22

ПРЕДМЕТНЫЙ МИР В ДИАЛОГЕ ЧЕЛОВЕКА И ВЕЩИ: НЕКОТОРЫЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЯСНЕНИЯ

Владимир Иванович Ионесов

Самарский государственный институт культуры, Самара, Россия, acdis@mail, 0000-0002-6175-5904

Аннотация. Современный культурологический поворот в гуманитарных науках актуализирует проблему нового диалога человека и вещи, в котором предметный мир информационного общества претерпевает качественные изменения и выдвигается на первый план культурных притязаний. Отношения мира людей и мира вещей становятся ареной непрерывной трансформации, полной драматизма, безудержных амбиций и спекуляций. В этой ситуации очевидна нарастающая экспансия технологических новаций, которая оборачивается беспрецедентным вторжением многообразных предметных форм в повседневную жизнь людей. Налицо также становление сложного и противоречивого процесса срастания социальной среды, информационных систем и предметных артикуляций культуры. Всё это подпитывает и объясняет интерес к онтологической природе вещей, культурогенезу предметного мира социума. Вещи предстают в культуре ретрансляторами насущных посланий людей, маркерами их помыслов, борьбы и достижений. Вещи удерживают в себе знание о человеке уже в силу того, что путь рождения и бытования любого артефакта сопряжён с деятельностью людей. При этом сама предметность вещи делает её лишь сгустком безмолвной материи — отстранённой и безучастной к человеческим поискам, открытиям и переживаниям. Вещь, взятая только в своей материальной оболочке, есть всего лишь фрагмент, осколок физической реальности. В таком виде вещь изначально заточена в свою неподвижную телесную форму и «бесчувственна» к меняющейся культуре. Но своей другой стороной вещь всегда коммуницирует с человеком, что делает её в антропоцентрическом измерении «глаголющим» артефактом со статусом подвижного персонажа культуры. Именно в этой проекции вещь переходит в разряд хранителей социальной памяти и становится важным источником для культурологических интерпретаций.

Ключевые слова: веществование, предметный мир, вещь, человек, культура, наследие, трансформация, символическая и визуальная коммуникация

Для цитирования: Ионесов В. И. Предметный мир в диалоге человека и вещи: некоторые культурологические прояснения // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 4 (486). С. 12–22. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-486-4-12-22.

Original article

THE OBJECT WORLD IN THE DIALOGUE OF PERSON AND THING: SOME CULTUROLOGICAL CLARIFICATION

Vladimir I. Ionesov

Samara State Institute of Culture, Samara, Russia, acdis@mail.ru, 0000-0002-6175-5904

Abstract. The modern cultural turn in the humanities actualizes the problem of a new dialogue between human being and thing, in which the objective world of the information society undergoes qualitative changes and comes to the forefront of cultural claims. The relationship between the world of people and the world of things becomes an arena of continuous transformation, full of drama, unbridled ambition and speculation. In this situation, the grow-

ing expansion of technological innovations is obvious, which results in an unprecedented invasion of diverse object forms into people's everyday lives. There is also the emergence of a complex and contradictory process of fusion of the social environment, information systems and subject articulations of culture. All this fuels and explains interest in the ontological nature of things, the cultural genesis of the objective world of society. Things appear in culture as a kind of relays of people's urgent messages, markers of their thoughts, struggles and achievements. Things retain knowledge about a person due to the fact that the path of birth and existence of any artifact is associated with the activities of people. At the same time, the very objectivity of a thing makes it only a clot of silent matter — detached and indifferent to human searches, discoveries and experiences. A thing taken only in its material shell is just a fragment, a splinter of physical reality. In this form, the thing is initially imprisoned in its motionless bodily form and is "insensitive" to the changing culture. But with its other side, a thing always communicates with a person, which makes it, in the anthropocentric dimension, a "verbal" artifact, with the status of a moving character in culture. It is in this projection that a thing becomes a guardian of social memory and becomes an important source for cultural interpretations.

Keywords: being of thing, objective world, thing, person, culture, heritage, transformation, symbolic and visual communication

For citation: Ionesov VI. The Object World in the Dialogue of Person and Thing: Some Culturological Clarification. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(4(486):12-22. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-486-4-12-22.

*Я только сын Адама, а не бог,
Но я достичь своей вершины смог.
Мой дух — всеобщий дух, и Красота
Моей души в любую вещь влита.
О, не зовите Мудрецом меня,
Пустейший звук бессмысленно бубня.
Нигде и всюду мой незримый храм.
Я отдаю приказы всем вещам.*

Ибн аль-Фарид, «Вещи»

Введение

Становится очевидным, что вещь больше, чем просто рукотворный материальный объект в культуре повседневности — здесь всё сложнее и драматичнее. Вещь не только умиротворяет и вдохновляет, например, в качестве подарка, детских игрушек, сувенира и новой желанной покупки, но и зачастую провоцирует людей на агрессию, насилие и столкновения. Споры об имущественных отношениях, о разделе собственности или — шире — о распределении материальных благ раскалывают семьи, разобщают поколения, обостряют политическую борьбу, порождают конфликты между людьми и даже странами. Вещь не так проста, как кажется. Вокруг вещи всегда множество спекуляций, предубеждений, беспокойств и посягательств. Вот почему в познании смысла вещей, «если не обдумывать что-то как следует, велика вероятность оказаться во власти стереотипов» [Цит.: 6, с. 19].

Мир вещей предстаёт для человека гигантской разветвлённой рукотворной и обжитой территорией со множеством лабиринтов, коридоров, комнат, прихожих, кладовых, террас, мансард, мастерских и пр. Выражаясь словами Н. Буррио,

«мы — квартироръёмщики культуры» [3, с. 130]. Об этом же пишет М. Серто, по которому любое произведённое человеком творение «обитаемо, как арендуемая квартира» [Цит. по: 3, с. 130].

Культурное поле вещи, её антропологические и социальные проекции раскрываются в самом процессе веществования объекта. Как заметил В. Н. Топоров: «Основной модус вещи — в её *веществовании*. Вещь веществуется, или, иначе, то, что веществуется, есть *вещь*. «Веществовать» — значит не просто быть вещью, являться ею, но *становиться* ею, приобретать статус вещи, отличаясь от вещеобразного нечто, к которому не применим предикат веществования. Но «веществовать» — значит и *оповещать* о вещи, то есть преодолеть её вещьность, превращаясь в *знак* вещи и, следовательно, становясь элементом совсем иного пространства — не материально-вещественного, но идеально-духовного» [10, с. 11]. В своей *предметно-исторической* этимологии вещи всегда удерживают в себе материальные следы истории их становления. Вещи вещают глаголом времён и обналичивают культуру. «Вещи, если брать их взаправду, как они действительно

существуют и воспринимаются, — пишет А. Ф. Лосев, — суть мифы» [7, с. 9].

Н. Буррио предлагает рассматривать вещи в её функциональной вовлечённости в социальный контекст, описывая данный феномен как реляционную эстетику. Произведение искусства или предметный мир складывается у него в формальную схему, порождающую отношения между людьми, или напрямую обусловленные социальным процессом. Больше того, в логике коммуникативной вовлечённости вещи в густую сеть социальных связей сам межчеловеческий обмен конструируется как полноценный эстетический объект [3, с. 139].

В. Н. Топоров пишет о том, что «вещь обретает дар говорить не только о себе, но и о том, что выше её и что больше связано с человеческим, нежели с вещным». Это означает, что вещь свидетельствует не только о самом человеке, но и о ряде важных аспектов его беспокойного бытия, при этом оставаясь до конца неразгаданной, храня в себе тайну Божию. Тем самым «свидетельствуя и о Боге, и одновременно задавая человеку путь всё возрастающей любви и всё углубляющегося познания» [11, с. 94].

Ещё один взгляд на трансформацию предметного мира людей. Когда-то Х. Ортега-и-Гассет сформулировал так называемый «закон убывания церемонности» в культурном процессе [9, с. 636]. Глядя на историю материальной культуры, есть основания признать и закон *дематериализации вещей*. Вот что пишет в подтверждение этого В. Флоссер: «Чем сложнее становится инструмент, тем более абстрактными становятся функции. Доисторический человек, простиравший к предметам руки, старался обойтись конкретной унаследованной информацией о том, как обращаться с изъятыми из среды предметами. Производитель рубил, гончар, сапожник вынужден был, чтобы научиться пользоваться инструментами, обрести необходимую информацию опытным путём. Взаимодействие с машинами требовало уже не только эмпирического опыта, но и владения теоретической информацией, что объясняет введение обязательного всеобщего образования: народная школа учила обслуживать машины, средняя школа — осуществлять уход за машинами, а высшая обучала строительству машин. ...При этом человек будущего будет обучаться с помощью аппаратов, на примере аппаратов и благодаря аппаратам» [12, с. 54–55].

Обсуждение

Многогранность бытования вещей позволяет различать формы их бытования в культуре в качестве *препятствия*, *медиатора* и *помощника*. Вещи не только выстраивают мосты между человеком и природой, но возводят стены, мешающие разглядеть, «что истинно, что ложно», часто сбивают с толку и оборачиваются в жизненном пространстве частоколом препятствий. Предметный мир может заточить человека в темницу стяжательства, если вовремя не остановить дух ненасытного накопительства. Вещи зачастую диктуют человеку то, что он должен сделать, — управляют его мыслями и поведением. Есть у вещей и другое свойство: в силу присущей им материальной природы по завершении своей функциональной миссии они сами по себе не исчезают, но нередко превращаются в преграду (бесполезные артефакты, отходы, отбросы, хлам) на пути нововведений, изобретений и открытий.

«Первая причина неприятия вещи есть неподготовленность к ней» (М. И. Цветаева). Случается, что старые инструменты не только не подходят для создания качественно новых материальных продуктов, но и служат своего рода ограничителем для реализации радикальных производственных задач. Как остроумно подмечено: «Когда у вас нет ничего, кроме молотка, то очень соблазнительно обращаться со всем, как с гвоздями» (Абрахам Маслоу).

Эту диалектику культуры В. Флессер излагает следующим образом. «На своём пути я сталкиваюсь с препятствиями (их представляет собой предметный, объектный, проблемный мир) и некоторые из этих препятствий я трансформирую (превращаю их в предметы пользования, в предметы культуры), чтобы достичь прогресса — однако трансформированные таким образом предметы сами оказываются препятствием на данном пути. Чем дальше я иду по пути прогресса, тем больше мне препятствуют в этом используемые предметы. Причём препятствуют они мне в двух отношениях: во-первых, потому что я в них нуждаюсь и не могу без них обойтись; во-вторых, потому что они стоят у меня на пути. Иначе говоря, чем более значим мой прогресс, тем заметнее культура становится предметной, объектной, проблемной» [12, с. 65–66].

Всякому появлению вещи предшествует первоначальный набросок, то, что выставляется вперёд целеполаганием. Вещь зарождается в виде задумки для осуществления конкретной цели, но, выполнив её, выпадает из культуры, в облике от-

бросов. В своём заключительном жизненном цикле вещь распадается на части, перерабатывается или вовсе исчезает. В этом процессе помощь (польза) и беспомощность (ненужность) предмета на службе человека соединяются. Образно говоря, в одном случае стены защищают, в другом заточают. Предметы пользования — разъясняет В. Флюссер — могут становиться препятствиями, мешать дальнейшему продвижению, и, «работая мне на пользу, они становятся переработанными. А переработанные предметы пользования суть предметы, в которых утрачен изначальный набросок, посредством которого они оказались брошены на моём пути. Они утратили брошенную на них форму, деформировались, и поэтому их выбрасывают». Это позволяет признавать и осознавать брэнность формы и всяческого декора, где отбросы превращаются в частокोल препятствий на нашем пути почти в той же мере, как до этого служили людям с пользой предметы, им принадлежащие [12, с. 69].

Смысл служения вещи человеку сосредоточен в пределах реализации наброска, поставленной цели, достижение которой часто делает вещь ненужной. Письменный стол изготовлен для того, чтобы на нём писать, но не для того, чтобы использовать на нём уже написанное. Это будет уже другой набросок для другой вещи. Как замечает О. И. Генисаретский: «Всё в человеке у нас неопределённо, если не хаотично. Потому и внимаем сделанному с мастерством и любовью, к заповеданному во благоразумие» [4, с. 166].

Однако люди склонны воспринимать предметы, которые их окружают, основываясь скорее на своих эмоциональных переживаниях, нежели на объективном и проникновенном взгляде на природу вещей. При этом каждый видит вещь со своей смотровой площадки. Грани алмаза сияют для каждого по-разному, в зависимости от того, с какого ракурса наблюдатель на него смотрит.

Так, согласно одной восточной суфийской притче, приписываемой Руми, группе людей, находящихся в темноте, предлагается определить, на кого похож слон — животное, которого они никогда ранее видели. Смотрящие в темноте ощупывают разные части тела слона. Тот, кто прикасается к хоботу, извещает о том, что слон похож на водосточную трубу. Другой, дотрагиваясь до уха настаивает, что животное имеет вид гигантского опахала. Ещё один, проведя рукой по ноге слона, считает, что слон выглядит как бревно. Каждый считает, что именно его понимание слона является правильным. Затеваются

спор. Но целостный облик слона никому из этих людей не доступен, каждый представляет форму животного исходя из того, какую часть он нащупал. Только объединив все односторонние субъективные ощущения, можно представить истинный облик слона.

Возьмём другую ситуацию, когда нескольким людям предлагается понять истинную сущность цветка. Их просят посмотреть на цветок разными способами. Например, ботаник обращает внимание в своём описании цветка на научно обозначенные части: тычинку, пестик и так далее. Затем их просят посмотреть на цветок глазами флориста (по-моему, так). Флорист смотрит на цветок и видит в нём прежде всего декоративные элементы: форму, размеры, линии и цветовую композицию. Наконец, их просят посмотреть на цветок иначе, с какой-нибудь необычной стороны, вроде того, как смотрит на него ребёнок без каких-либо сложившихся профессиональных предпочтений. Этот опыт хорошо иллюстрируется в романе Олдоса Хаксли «Остров», который отмечает, что любой предмет включается в культуру через «построение мостов», включая мир людей и мир вещей.

Восприятие любого предмета имеет культурную обусловленность, то есть именно культура выступает первичной смотровой площадкой, задающей конкретный ракурс наблюдения. В этом плане надо различать видение и понимание природы вещей человеком Востока и Запада. Своей западной традиции убеждённости «в том, что необходимо изменить мир, чтобы измениться самому» [12, с. 83], противопоставлен иной фокус восточного мировосприятия. Здесь расставлен другой приоритет: мир изменится вокруг человека, если он будет способен изменить себя самого. Глубокая и неразрывная связь человека и вещи выразительно раскрывается в даосской и конфуцианской традиции. Дао, или путь человека есть материнское лоно всех вещей. Вот что прописано в «Дао дэ цзин»: «Дао рождает вещи, дэ вскармливает их. Вещи оформляются, формы завершаются. Поэтому нет вещи, которая не почитала бы дао и не ценила бы дэ... Дао рождает [вещи], дэ вскармливает [их], возвращает их, воспитывает их, совершенствует их, делает их зрелыми, ухаживает за ними, поддерживает их. Создавать и не присваивать, творить и не хвалиться, являясь старшим, не повелевать — вот что называется глубочайшим дэ» [1, с. 186]. Философия вещи прочитывается и в следующих древнекитайских источниках: «...вещь,

только что родившаяся, уже умирает. . .) («Чжуан-цзы»); «Совершенноумдые управляют вещами, а не управляются вещами» («Гуань-цзы»); «Когда своё завершение получает человек, это свидетельствует о человеколюбии. Когда своё завершение получают вещи, это свидетельствует о знании» (Ли Цзы) [1, с. 188].

Сложность изучения вещи обуславливается тем, что в ней соединяются два круга бытийных сущностей — человеческие порывы оживить или одомашнить для себя природу и потаённая незыблемая и уходящая в ничто материя. По наблюдению Г. Хармана, «Человек сплетён с миром, но это не значит, что человек. . . с ним связан. Когда человеческое сознание выходит на сцену, оно не контаминирует вещи, делая их буквальными и поверхностными» [14]. Нельзя описать вещь, не разрушив её. Вещь непостижима, ей свойственна глубина, которая лежит за пределами человеческой интерпретации. Не поэтому ли, глядя на произведение искусства, так сложно или даже почти невозможно его исчерпывающе описать. Ещё никому не удалось свести объект к его свойствам или к его чистой видимости [14].

Фундаментальные основания предметного мира культуры, в центре которого пребывает вещь во всех её многообразных антропологических артикуляциях, стали в современной науке специальной областью гуманитарного знания, именуемой реалогией. Как поясняет М. Эпштейн, «Реалогия — это и есть наука о вещах как формообразующих единицах пространства, границах его смыслового членения, через которые выявляется его ценностная наполненность, культурно значимая метрика» [15, с. 350].

Одним из первых к данной проблематике в культурологическом дискурсе обратился Вилем Флюссер. В числе наиболее значимых его работ по феноменологии вещи стоит отметить следующие: «Coisas quem e cercam / Вещи, которые нас окружают» (1971), «La Force du Quotidien / Сила повседневного» (1973), «Dinge und Undinge / Вещи и не-вещи» (1993), «Становление человеком» (1994), «Vom Stand der Dinge. Eine kleine Philosophie des Design / О положении вещей. Малая философия дизайна» (1993; 2016), «The Shape of Things / Форма вещей» (1999) [12, с. 15–17]. В данных трудах вещи позиционируются как главные возмутители спокойствия в жизни людей. Вещи по причине своей глубокой укоренённости в человеческую деятельность обладают мощными семантическими полями с элементами соблазна, ухищрения и лукавства. В этой связи

немецкий философ и искусствовед предлагает изучать вещи в широком когнитивном диапазоне их бытования в культуре. По В. Флюссеру, «Вещи можно рассматривать как минимум двумя способами: наблюдая за ними и читая их. Если вещи рассматривать, то они предстают перед нами как феномены. . . Если же прочитывать вещи, то предполагается, что они что-то означают, а читающий предпринимает попытку расшифровать это значение. Читающий взгляд заставляет знак говорить, и он сообщает нам: [на примере свастики] я — солнечное колесо и я свечусь» [12, с. 150].

Познание вещи можно также рассматривать как перевод потаённого в непотаённое, скрытого в явное, невидимого в видимое. По существу, вся материальная культура человека есть опредмеченная граница социального бытия, с одной стороны, и зримая репрезентация укрощённой стихии, с другой. Любое открытие — техническое изобретение предстаёт в виде распознавания природы, перевода недостижимого в достижимое. Но как только материальный объект обретает статус вещи — он тут же наделяется знаком, именем, значением, функцией, то есть всем тем, что трансформирует изменчивость в постоянство, чем можно управлять и обустривать культуру. Согласно М. Хайдеггеру, «Техника — вид раскрытия потаённого. Если мы будем иметь это в виду, то в существе техники нам откроется совсем другая область. Это область выведения из потаённости, осуществления истины. <..> Техника есть вид раскрытия потаённости. Сущность техники находится в области, где имеет место открывание и его непотаённость, где сбывается *alētheia*, истина» [13, с. 49–51].

В основе веществования, по В. Н. Топорову, «лежит фундаментальное противопоставление сокрытого и открытого, и — в известной степени — отсутствия и присутствия, небытия и бытия, ничто и что. Разница между обычным открытием сущности вещи для нас, для нашего бытия и необычным открытием нас, нашего бытия для сущности вещи фиксирует тот решительный поворот взгляда и мысли, благодаря которому вещь, по сути дела, выходит из своего состояния вечной проклятости и овеществлённости» [13, с. 73]. У вещи есть своя доля, в которой она диктует свою волю человеку, и «антропоцентрическая» в отношении вещей позиция вовсе не исключает целесообразности «вещецентрического» взгляда на человека» [11, с. 73].

«Убеждаюсь, что не понятия не люблю, а слова. Назовите мне ту же вещь другим именем —

и вещь внезапно просияет» (М. И. Цветаева). Так, слово «стол» даёт наименование большой категории вещей определённой конструкции с приподнятой горизонтальной или наклонной поверхностью, предназначенной для размещения предметов, выполнения работ, принятия пищи, игр, рисования, обучения и иных видов деятельности. Следовательно, вещь предстаёт как переработанная, спрессованная, капсулированная и расфасованная по конкретным материальным формам та часть реальности, которая соединяет в себе мысль, образ и слово. В этом кроется противоречие и интрига — создавая вещь, чтобы приблизить к себе окружающую его действительность, человек всякий раз её дробит, расчленяет и дистанцируется от неё.

Августин поясняет, что «при переводе Слова, Которым сотворён мир, через *ничто* и при выведении его из *молчания*, отделяющего звуки, буквы и слова тварного мира друг от друга, искажается мысль, ибо мысль не превращается в... звук, но оставаясь сама в себе целой, принимает форму звучащего слова, которым пролагает себе путь к слуху, не позоря себя изменением» (col. т. е. колонка, 24) [8, с. 228]. Любая попытка остановить процесс искажения реальности посредством мысли, слова и вещи оборачивается новым витком урезания, секвестирования окружающего человека мира. «Истолковывать — значит обеднять, иссушать мир ради того, чтобы учредить призрачный мир “смыслов”», полагает С. Сонтаг [6, с. 56]. В этом плане создать вещь и означает обеднить, иссушить, обескровить реальность.

Вместе с тем вещь как оформленная материя, несущая в себе часть реальности, выражает своё неискоренимое родство с миром первичных сущностей, той «сырой», бесформенной и безмолвной изначальной субстанции, из которой всё и было создано. Удерживая в себе эти примордиальные (первозданные) свойства природной стихии, вещь не только выражает свою укоренённость в ничто, но также свою скрытость, недоступность и непознаваемость.

Вспоминаются слова поэта:

*Что знаем мы о стуле, окромя,
того, что было сказано в пылу
полемики? — что всеми четырьмя
стоит он, точно стол ваш, на полу?
Но стол есть плоскость, режущая грудь.
А стул ваш вертикальностью берёт.
Стул может встать, чтоб лампочку ввернуть,
на стол. Но никогда наоборот.
И, вниз пыльцой, переплетённый стебель
вмиг озарит всю остальную мебель.*

И. А. Бродский

Лишь обретая форму, соответствуя своему назначению, становясь знаком и включаясь в коммуникацию с другими объектами, предметно оформленная материя начинает вещать и раскрывать свои семантические значения. В этом случае необходимы культурные контексты, в которых вещь размещается и в соответствии с которыми функционирует. Как отмечают С. С. Неретина и А. П. Огурцов, «Оттого и сотворённая вещь... несёт на себе след ничто, из которого творился мир. Поэтому такую вещь можно *определить* только относительно задачи, которую ставит в каждом отдельном случае исследователь. Такая вещь сама по себе может и не употребляться для обозначения чего-либо, и служить знаком другой вещи» [8, с. 228].

Амбивалентная природа вещи пронизывает все её антропологические свойства, весь её жизненный цикл в культуре, когда спасение оборачивается опасностью, порядок — хаосом, созидание — разрушением, свобода — порабощением, красота — безобразием и пр. В «затылок» каждой вещи дышит Ничто, тяга к тому первоначальному, из чего когда-то она была создана. В этом можно видеть путь от власти над вещью к неподвластности вещи. «Вещественное возрастание мира и всё прогрессирующая подвластность вещей человеку создают новую опасность — человек оказывается перед лицом того, что ему неподвластно и от него не зависит, перед своего рода “малым” Ничто, требующим вопрошания о спасении» [11, с. 80].

Можно интерпретировать вещь и как начинание, исходный акт, прелюдию к поступку, запуск действия. Ведь любая вещь предопределена человеком к решению какой-то задачи, восполнению недостающего, то есть в конструирование будущего предметного мира культуры. «Всякая вещь — это главным образом ряд условий, выполнение которых создаёт её возможность» [9, с. 207]. Бытование вещи не знает одиночества — она всегда к чему-то относится, с чем-то связана. Это ассоциативное свойство вещи присуще ей изначально — ведь каждый предмет создаётся человеком с помощью других предметов. Да и сама вещь удерживает в себе множество составных частей. Вещь состоит из них, но не сводится к ним. Внутренние элементы вещи выступают здесь как согласованное произведение или композиционное целое, обретающее свой самостоятельный семантический смысл. Х. Ортега-и-Гассет вводит для толкования вещи понятие *правещь*. Вот как он её описывает. «Но разве не ясно, что, отвечая на вопрос: “Что это такое?” — мы всегда

разбираем, разрушаем сам предмет, иначе говоря, совершаем возвратные движения: идём от формы вещи, такой, как она дана и как она воздействует, к её составным частям, слагаемым, которые мы стремимся определить? Бесспорно, отдельно взятый компонент не вещь, последняя — только произведение составных частей, и, чтобы такое произведение, результат были налицо, оказывая воздействие, нужно, чтобы ингредиенты исчезли из поля зрения как таковые, то есть взятые по отдельности. Чтобы увидеть воду, нужно, чтобы исчезли водород и кислород. Определение какой-либо вещи, полученное в результате перечисления её слагаемых, предпосылок, того, что она подразумевает, если должна быть, в нечто типа правещи. Эта правещь и есть бытие самой вещи, то, что следует обнаружить, поскольку вещь — налицо и её как раз искать не надо. Напротив, бытие и определение, то есть *правещь*, показывает саму вещь *in statu nascendi* (лат.) [лат. «в состоянии зарождения, в момент образования»], ибо в полной мере мы познаём лишь то, что, так или иначе, возникло у нас на глазах» [9, с. 208].

Вещь как посредник, обозначающий протяжённость, продление и переход. Смысл вещи раскрывается через её движение и трансформацию. Нельзя понять вещь по отдельным отрезкам её бытия. Необходимо охватить всю траекторию её жизненного цикла [5; 17]. По Ницше, нечто новое никогда не может обнаружить свою суть уже у истоков, но то, что было вначале, может раскрыться лишь на переломе собственного развития. Вырванная из культурного контекста вещь либо безмолвна, либо извращает смысл и сбивает с толку. Не существует вещи самой по себе, вещи — это то, что мы о них думаем, как их используем и что из них извлекаем.

Вещь может позиционироваться в культуре как инсценировка и когнитивная ловушка. Сам дизайн вещи, её внешнее оформление определяется семантическими порядками со значением ухищрения и лукавства [12, с. 18]. Предметный мир культуры — это по существу путь вопреки, отклонение от того, что создала сама природа. На этом завязана интрига бытования вещей в культуре, где вещь часто вызывает искажение, искривление реальности, ухищрение, ловушку или даже заговор против природы, путь вопреки. Не случайно близкие лексеме *вещь* понятия *mechos* и *articulum* означают увёртку, выверт, а этимологические ссылки на слово *искусство* указывают на искушение, соблазн. Вот что отмечает по этому поводу В. Флюссер: «В действи-

тельности все приведённые выше понятия объединяет то обстоятельство, что в каждом случае, помимо прочего, имеет место обман и вероломство. Новая, более высокая культура, к которой отсылает нас дизайн, должна стать культурой, сознающей, что зиждется на обмане. Вопрос: кого и как мы обманываем, занимаясь культурной деятельностью. Короче говоря: дизайнерской стратегией, лежащей в основе любой культуры, является хитроумное превращение нас из обусловленных своей природой млекопитающих в свободных художников» [12, с. 20–21].

В самом деле, материальная культура есть арена ухищрённых сплетений и превращений. Заложённая в вещь человеческая интенция мистифицирует предметный мир. Вещи становятся не только участниками, но и инициаторами перемен, провозвестниками культурных сдвигов. «[Видимый] мир представляет собой сцену, в которой люди и вещи вступают в определённые отношения, т. е. меняют своё положение по отношению друг к другу» [12, с. 152]. Круговорот вещей в культуре высвобождает их из-под контроля людей. Статус вещи меняется в зависимости от социальной ситуации, культурного контекста. И снова словами поэта:

*Возьмём за спинку некоторый стул.
Приметы его вкратце таковы:
зажат между невидимых, но стул
пространства (что есть форма татарвы),
он что-то вроде метра в высоту
на сорок сантиметров в ширину
и сделан, как и дерево в саду,
из обшей (как считалось в старину)
коричневой материи. Что сухо
сочтётся камуфляжем в Царстве Духа.*

И. А. Бродский

Так, один и тот же керамический кувшин может быть предметом кухонной посуды, в другом случае — ритуальный транспортёр для переправы умершего в потусторонний мир, если иметь в виду практику кувшинных (хумных) захоронений в ранних цивилизациях. Как и у людей, на вещи надеты маски, и они меняются в зависимости от обстоятельств. Вещи, как и люди, стареют — их жизненный путь лежит от становления к исчезновению. В этой драме нескончаемого предметного перевоплощения много лабиринтов, ловушек, перекрёстков и проходных дворов. Как замечает Л. Брабандер, «Наша ежедневная жизнь — это огромный театр с множеством зрительных и слуховых иллюзий. Наши глаза видят то, что хотят видеть; уши слышат то, что им приятно слышать; и безнадежно глух тот, кто хочет

слышать только то, что ему нравится» [2, с. 88]. Видный эксперт в сфере предметной инноватики полагает, что люди видят мир не таким, каков он есть, а таким, каковы они сами. Часто неверными решениями мы обязаны тому, как мы мыслим [2, с. 94].

Предметный мир, несмотря на свою материальную обременённость, в силу заложенных в него идей и предназначений может быть весьма подвижным. К примеру, сувениры — это вещи, которые движутся, от лат. *subvenīre* «приходить на помощь», из *sub-* + *venīre* «приходить». К вещам, которые движутся, могут относиться и прокатные предметы, спортивный и туристический инвентарь, книги, инструменты, посуда, украшения, одежда и пр. Вещи помогают идентифицировать, прояснить культуру, визуализировать её традиции. Например, русская народная игрушка служит художественным маркером своей этнокультурной принадлежности. Значение русской народной игрушки в том, что данная поделка совмещает в себе художественно-эстетические, технологические и фольклорно-ритуальные свойства и посредством своего ярко выраженного пластического образа обращена к диалогу с людьми.

Граница мира вещей мобильна, но практически непреодолима. Даже оказавшись на острове без каких-либо вещественных аксессуаров, Робинзон Крузо тут же начинает производить инструментарий своей жизнедеятельности. Предметный мир служит визуальной границей культуры.

Эта граница защищает, разделяет и обрамляет бытие людей и переступание которой может привести к наказанию. По существу, эта граница проходит вокруг каждого сконструированного отдельного материального объекта — она трудно уловима, поскольку помещена в густую сеть взаимных притяжений в диалоге человека и вещи. Но суть от этого не меняется — за пределами опредмеченной реальности лежат изменчивость, хаос и пропасть. По наблюдению В. Флюссера, «Любое движение — это преступление, совершаемое вещами и людьми по отношению друг к другу и к вечному круговороту порядка — время же вершит свой круговорот для того, чтобы вина была искуплена, а люди и вещи вновь помещены на отведённые им места. При этом нет существенной разницы между людьми и вещами: и теми и другими движет желание нарушить порядок, и что те, что другие со временем будут наказаны за свой проступок» [12, с. 153].

Человеческая жизнь заполнена вещами. Они везде — вокруг человека, на человеке и даже

в его голове, в виде мыслей, образов, желаний. Люди наполняют себя вещами как в прямом, так и в переносном смысле. За каждой мыслью так или иначе стоит какой-то предмет. Весь путь жизни человека и есть своего рода собирание и нескончаемое потребление вещей. По существу, сам человек, его мысли, способности, поступки опредмечены. В известном смысле можно даже сказать, что человек состоит из вещей. Он есть овеществлённая сущность. Распад вещей в жизни человека подобен его смерти. Когда человек уходит из жизни, «вещи» как бы выпадают из него. В качестве примера можно привести известное сочинение Даниила Хармса «Смерть старичка», где в аллегорической форме показана как жизнь покидает человека вместе с последней выпавшей из него вещью. Один за другим из старичка выскакивают различные предметы: сначала шарик, потом маленькая палочка, за ним — маленький квадратик, мышка, пруттик, птичка. Всё выпадает из старичка, не звавшего своего часа, и тут смерть настигает его.

Вещь, будучи по своей природе предметом, который вещает, запускает в мир разного рода послания, выступает главным информатором культуры: то, что уже сделано, что нужно сделать и с помощью чего. Само слово «информация» состоит из двух частей *ин+формация*, то есть сконструированная форма. В расширенном понимании слова «информация», как оно встречается у Флюссера, любая обработанная или произведённая человеком вещь, от каменного рубила до квантового компьютера, представляет собой «информированный объект» — «как сообщает нам само слово “информация”, речь о “формах”, вложенных “в” вещи» [16, S. 81]. Вещи, как вместительные горшки, придают форму своему содержанию. В. Флюссер пишет: «Горшок — это сосуд, инструмент, служащий для того, чтобы объять и удержать некую субстанцию. Это эпистемологический инструмент (инструмент теории познания). Приведём пример: я беру пустой горшок и подношу его под струю льющей из крана воды. Таким образом, я придаю горшку содержание, а воде — форму, и *ин-формированная* горшком вода постигается в горшке вместо того, чтобы продолжать аморфно течь дальше» [12, с. 129].

Всё, что имеет внутри себя пустоту, придаёт форму тому, кто и что в неё проникает. Пустота функциональна, и для бытования вещи она обязательна, иначе вещи невозможно было бы впустить в себя «жизнь» и негде было бы ей разместиться.

Людей подталкивает к созданию вещей именно пустота, онтологическая открытость и антропологическая незавершённость. Вещи снимают эту дефициентность бытия, но всякий раз вынуждают человека переступить границы в освоении новой реальности. Будучи заполненной формой, вещь непременно нуждается в наличии открытого пространства для своей прямой функциональной имплементации, а также для генерации других форм. Нельзя двигаться вперёд, если всё заполнено. Образно говоря, «всё, что мне нужно, это несколько слов и место для шага вперёд» (В. Цой, «Место для шага вперёд»). Это в равной мере применимо и к миру вещей. «Если есть в кармане пачка сигарет, значит, всё не так уж плохо на сегодняшний день» (В. Цой, «Пачка сигарет»).

И снова наблюдение В. Флюссера: «Если смотреть на мир с точки зрения горшечника — то сквозь всякое явление, за всяким явлением видятся те самые горшки, которые объедают и ин-формируют эти явления: за яблоком — шар, за стволом дерева — цилиндр, за женскими формами — различные геометрические, так называемые фрактальные формы» [12, с. 131].

Проблема в том, что «культура предстаёт перед нами в форме постоянно растущего скопления вещей, — пишет В. Флюссер, — которыми мы заставляем голые стены своего жилища, чтобы прикрыть их наготу и скрыть тот факт, что они представляют собой данность [первозданность, природу]. Иногда эти вещи, составляющие культуру, скрывают за собой больше, чем просто наготу стен. Они маскируют трещины в стенах и вместе с ними — опасность того, что здание может рухнуть и погребсти нас под своими обломками» [12, с. 91].

Позволительно рассматривать мир вещей и как своеобразную дорожную карту в продвижении культуры. Благодаря этой карте кораблю удаётся находить фарватер, чтобы не сесть на мель, хотя всегда существует опасность того, что корабль от неправильного распределения вещей, их перегрузки может перевернуться. Причём опасность исходит не только от излишков материальных объектов как таковых, но и от тиражируемых ими информационных потоков, состоящих из битов, байтов, килобайтов, мегабайтов, пикселей и пр. Человеческую культуру сдерживает как нехватка информации, так и её избыток. Известно, что избыток информации равносителен отсутствию информации, поскольку то, что не распознаётся и перерабатывается, мешает, тормозит, дезориен-

тирует. Между тем в современной культуре в геометрической прогрессии разрастается цифровая информационная экспансия. Этот новый мир оформленных сущностей В. Флюссер определяет как *не-вещи*.

«Всегда ясно, чего в жизни следует придерживаться, а именно — вещей. Увы, но и здесь произошли изменения. Сегодня со всех сторон в нашу среду вторгаются не-вещи, вытесняя вещественное. Такого рода не-вещи мы называем информацией. Информация, вторгающаяся сейчас в нашу среду обитания и вытесняющая из неё вещи, имеет природу принципиально отличную от всей предшествующей информации: она невещественна (электронные изображения на экранах телевизоров, хранящиеся в компьютерах данные, киноплёнки и микрофильмы, программное обеспечение и пр.)» [12, с. 113–114].

Выводы

Культурологический анализ свидетельствует о том, что вещи выступают не только объектом трансдисциплинарного исследования, но также могут служить важнейшим инструментом социокультурных преобразований. Феноменология вещи — перспективная область современного гуманитарного знания, которая сегодня наиболее эффективно соединяет новейшие теоретические исследования и прикладные разработки. Этими исследованиями запускается социально значимая дискуссия о новых формах диалога между наукой, предметным миром и обществом.

В дискурсе культурологического знания вещь выражает устоявшиеся, дискретные опредмеченные и визуально зафиксированные в артефактах культуры сознательные действия людей, их чаяния и послания, в которых содержатся реплики, намёки, смысловые установки, мировоззренческие ценности, эстетические предпочтения и иные императивы экзистенциальных исканий человека. Вещь как социально ориентированный феномен можно интерпретировать с различных методологических и философских сторон, но при этом именно культурологический подход представляется наиболее комплексным и перспективным, поскольку предметный мир социума представляет собой прежде всего визуально оформленную коммуникативно-знаковую систему и где веществование рассматривается как исток культуры.

Существующая ныне постмодернистская культурная реальность выстраивает и продвигает новую школу социальной коммуникации, в центре

которой оказывается драма отношений человека и вещи. Этот процесс сопровождается сменой мировоззренческих парадигм — перекодированием эстетических, смысловых и ценностных значений материальных объектов, смещением и симбиозом социальных и предметных артикуляций культуры. В современной информационной среде вещи обретают иные функции и способы бытования, трансформируясь в процессы, программы, боты, сервисы, то есть во всё более беспредметные формы. Посредством информационно-технологиче-

ской экспансии культура легко проникает в человека, срачивается с ним, перекраивает привычный характер и стереотипы поведения людей.

Переход к модели предметной транспликации во взаимоотношения человека, вещи и природы может служить эффективной стратегией «социализации» артефактов культуры, открывающей возможность для освобождения людей от овеществляющих их объектов. Но эта тема требует отдельного рассмотрения.

Список источников

1. Анарина Н. Г. Сакральная телесность японской художественной вещи // *Вещь в японской культуре*. М. : Восточная литература, 2003. С. 185–201.
2. Брабандер Л. де. Забытая сторона перемен. Искусство создания инноваций. М. : Протекст, 2010. 203 с.
3. Буррио Н. Реляционная эстетика. Постпродукция. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. 216 с.
4. Генисаретский О. И. Упражнения в сути дела. М. : Русский мир, 1993. 280 с.
5. Ионесов В. И. Вещь как культурная реальность: проекции и взаимосвязи // *Вещи и коммуникация: экономические и культурные взаимодействия в меняющемся обществе*. Самара : ВЕК #21, 2012. С. 242–271.
6. Котт Дж. Сьюзен Сонтаг : полный текст интервью для журнала *Rolling Stone*. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. 128 с.
7. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М. : Политиздат, 1991. 525 с.
8. Неретина С. С., Огурцов А. П. Символизм // *Теоретическая культурология*. М. : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга ; РИК, 2005. С. 227–234.
9. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М. : Весь мир, 1997. 704 с.
10. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М. : Прогресс, 1995. 634 с.
11. Топоров В. Н. Вещь в антропоцентрической перспективе // *Aequinox*. М. : 1993. С. 70–94.
12. Флюссер В. О положении вещей. Малая философия дизайна. М. : Ад Маргинем, 2016. 160 с.
13. Хайдеггер М. Вопрос о технике // *Новая технократическая волна на Западе*. М. : Прогресс, 1986. С. 45–66.
14. Харман Г. За эстетикой — будущее философии (2016). URL: <http://www.colta.ru/articles/art/12175> (дата обращения: 17.11.2023)
15. Эпштейн М. Н. Реалогия, вещеведение // *Проективный философский словарь: новые термины и понятия / под ред. Г. Л. Тульчинского и М. Н. Эпштейна*. СПб. : Алетейя, 2003. С. 346–350.
16. Flusser V. *Dinge und Undinge*. Munchen ; Wien, 1993. 126 S.
17. Ionesov V. I., Kurulenko E. A. Things as Characters of Culture: Symbolic Nature and Meanings of Material Objects in Changing World // *Scientific Culture*. 2015. Vol. 1, № 3. P. 47–50.

References

1. Anarina NG. Sakral'naya telesnost' yaponskoj hudozhestvennoj veshchi [The sacred physicality of a Japanese artistic thing]. In: *Veshch' v yaponskoj kul'ture* [Thing in Japanese culture]. Moscow; 2003. Pp. 185–201. (In Russ.).
2. Brabander L. de. Zabytaya storona peremen. Iskusstvo sozdaniya innovacij [The forgotten side of change. The art of innovation]. Moscow; 2010. 203 p. (In Russ.).
3. Bourriaud N. Relyacionnaya estetika. Postprodukcija [Relational aesthetics. Post-production]. Moscow; 2016. 216 p. (In Russ.).
4. Genisaretskij OI. Uprazhneniya v suti dela [Exercise is the point]. Moscow; 1993. 280 p. (In Russ.).
5. Ionesov VI. Veshch' kak kul'turnaya real'nost': proekcii i vzaimosvyazi [Thing as cultural reality: pro-

jections and relationships]. In: Veshchi i kommunikaciya: ekonomicheskie i kul'turnye vzaimodejstviya v men-yayushchemsya obshchestve [Things and communication: economic and cultural interactions in a changing society]. Samara; 2012. Pp. 242–271. (In Russ.).

6. Cott J. S'yuzen Sontag: Polnyj tekst interv'yuu dlya zhurnala Rolling Stone [Susan Sontag: Complete Rolling Stone Interview]. Moscow; 2015. 128 p. (In Russ.).

7. Losev AF. Filosofiya. Mifologiya. Kultura [Philosophy. Mythology. Culture]. Moscow; 1991. 525 p. (In Russ.).

8. Neretina SS, Ogurtsov AP. Simvolizm [Symbolism]. In: Teoreticheskaya kul'turologiya [Theoretical cultural studies]. Moscow; 2005. Pp. 227–234. (In Russ.).

9. Ortega-y-Gasset H. Izbrannye trudy [Selected works]. Moscow; 1997. 704 p. (In Russ.).

10. Toporov VN. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo [Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the field of mythopoetic]. Moscow; 1995. 634 p. (In Russ.).

11. Toporov VN. Veshch' v antropocentricheskoy perspektive [Thing in an anthropocentric perspective]. In: Aequinox. Moscow; 1993. Pp. 70–94. (In Russ.).

12. Flusser V. O polozhenii veshchej. Malaya filosofiya dizajna [About the state of things. Small design philosophy]. Moscow; 2016. 160 p. (In Russ.).

13. Heidegger M. Vopros o tekhnike [The question of technology]. In: Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade [New technocratic wave in the West]. Moscow; 1986. Pp. 45–66. (In Russ.).

14. Harman G. Za estetikoj — budushchee filosofii (2016) [Aesthetics is the future of philosophy]. Available from: <http://www.colta.ru/articles/art/12175> (access date: 17.11.2023) (In Russ.).

15. Epshtein MN. Realogiya, veshchevedenie [Realogy, science of things]. In: Proektivnyj filosofskij slovar': Novye terminy i ponyatiya [Projective philosophical dictionary]. St. Petersburg; 2003. Pp. 346–350. (In Russ.).

16. Flusser V. Dinge und Undinge. Munchen ; Wien; 1993. 126 S.

17. Ionesov VI, Kurulenko EA. Things as Characters of Culture: Symbolic Nature and Meanings of Material Objects in Changing World. *Scientific Culture*. 2015;1(3):47-50.

Информация об авторе

В. И. Ионесов — доктор культурологии, кандидат исторических наук, профессор кафедры культурологии, музеологии и искусствоведения.

Information about author

V. I. Ionesov — Doctor of Cultural Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor of the Department of Cultural Studies, Museology and Art Studies.

Статья поступила в редакцию 16.04.2024; одобрена после рецензирования 24.04.2024; принята к публикации 06.05.2024.

The article was submitted 16.04.2024; approved after reviewing 24.04.2024; accepted for publication 06.05.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.